

·thebigbook·

Марта Холл
Келли

ДЕВУШКИ СИРЕНИ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 34

Martha Hall Kelly
LILAC GIRLS
Copyright © 2016 by Martha Hall Kelly
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-17378-1

© И. Б. Русакова, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство АЗБУКА®

*Моему мужу, из-за которого
все еще шелкает моя пудреница*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 КЭРОЛАЙН

Сентябрь 1939 года

Если бы я знала, что мне предстоит встреча с мужчиной, который подействует на меня, как удар костяного фарфора по терракоте, я бы поспала подольше. Но вместо этого я с утра пораньше вытащила из постели нашего флориста мистера Ситвелла и заставила его сделать бутоньерку — мой первый консульский гала-прием должен был пройти по всем правилам подобных церемоний.

На Пятой авеню я нырнула в толпу. Мимо меня проталкивались мужчины в серых фетровых шляпах, с подборками утренних газет с безобидными заголовками на первых полосах. В тот день на востоке царили тишь да гладь и ничто не предвещало перемен. Единственным зловещим знаком со стороны Европы был долетавший с Ист-ривер запах стоячей воды.

На подходе к нашему зданию на углу Пятой авеню и Сорок девятой улицы я почувствовала, что за мной из окна наверху наблюдает Рожер. Он увольнял людей и за меньшие провинности, чем опоздание на двадцать минут, а в единственный день в году, когда элита Нью-Йорка открывает свои кошельки и разыгрывает любовь к Франции, не до какой-то жалкой бутоньерки.

В лучах утреннего солнца засверкали выгравированные на угловом камне буквы: «LA MAISON

FRANCAIS». Френч-билдинг, французское консульство, стояло бок о бок с Бритиш-Эмпайр-билдинг фасадом на Пятую авеню и было частью Рокфеллер-центра, нового комплекса Рокфеллера-младшего из известняка и гранита. В то время там располагалось много иностранных консульств, это было такое рагу международной дипломатии.

— Проходим до конца и поворачиваемся лицом к выходу, — сказал Кадди, наш лифтер.

Мистер Рокфеллер тщательно отбирал кадры на эту должность, манеры и внешность имели большое значение. Кадди был суров на вид, и, хотя в волосах у него уже появилась седина, комплекция не соответствовала возрасту.

— Сегодня у вас людно, мисс Ферридэй, — добавил Кадди, не отрывая взгляда от светящихся цифр над дверью. — Пиа сказала, пришли два корабля.

— Превосходно.

Кадди стряхнул невидимую пылинку с рукава синего форменного пиджака.

— Еще один долгий вечер?

Для самого быстрого лифта в мире наш поднимался целую вечность.

— Сегодня к пяти закончу. Вечером — гала-прием.

Я любила свою работу. Бабушка Вулси ухаживала за ранеными в битве при Геттисберге и стала родоначальницей нашей семейной традиции. Правда, моя волонтерская деятельность по организации помощи семьям при консульстве Франции не являлась работой в буквальном смысле этого слова. Любовь к Франции и всему, что с ней связано, была у меня в крови. Да, мой отец был наполовину ирландцем, но сердце его принадлежало Франции. Плюс мама унаследовала квартиру в Париже, где

мы проводили каждый август, так что я чувствовала себя там как дома.

Лифт остановился. Через двери доносился нарастающий гул голосов — меня даже в дрожь бросило.

— Третий этаж, — объявил Кадди. — Консульство Франции. Будьте внимательны...

Двери открылись, и шум снаружи заглушил учтивые слова лифтера. Холл перед нашей приемной был забит до отказа — ступить некуда. В то утро в нью-йоркскую гавань прибыли два океанских лайнера «Иль-де-Франс» и «Нормандия», оба с состоятельными пассажирами на борту, которые бежали от неопределенности во Франции. Как только подали сигнал, разрешающий сходить на берег, пассажиры первого класса устремились в консульство улаживать проблемы с визами и другие малоприятные вопросы.

Я протиснулась мимо нескольких леди, одетых по последней парижской моде. Они о чем-то болтали в облаке «Арпеджио», и капельки морской воды еще блестели в их волосах. Такого рода публика привыкла иметь неподалеку официантов с хрустальными пепельницами и бокалами с шампанским. Посыльные с «Нормандии» в ярко-красных пиджаках и посыльные с «Иль-де-Франс» в черных наступали друг другу на пятки. Я вклинилась в толпу и начала пробиваться к столу секретаря в конце комнаты. Мой платок из шифона зацепился за застежку жемчугов одной из прелестниц. Пока я его высвобождала, зазвонил и остался без ответа телефон внутренней связи.

Рожер.

Я снова ринулась вперед и почувствовала, как кто-то похлопал меня по заду. Оглянувшись и уви-

дев ослепительную улыбку какого-то мичмана, я бросила:

— Gardons nos mains pour nous-mêmes¹.

Парень в ответ поднял руку над головой и тряхнул ключами от своей каюты на «Нормандии». Ну хоть молодой, обычно мне оказывали знаки внимания кавалеры «за шестьдесят».

Наконец я добралась до стола нашего секретаря. Она была на месте — печатала, не поднимая головы.

— Bonjour, Пиа.

Кузен Рожера, парень лет восемнадцати с темными миндалевидными глазами, сидел на столе Пиа, закинув ногу на ногу. В одной руке он держал сигарету, а другой перебирал шоколадные конфеты в коробке (излюбленный завтрак Пиа). Мой бокс с «входящими» уже был забит папками.

— Vraiment?² И что же в нем доброго? — отозвалась она, так и не подняв головы.

Пиа была больше чем секретарь. Мы все совмещали обязанности. Пиа регистрировала новых клиентов и заводила на каждого папку, печатала обширную корреспонденцию Рожера и расшифровывала ежедневные потоки «морзянки», которые были живительной кровью нашего офиса.

— А почему здесь так душно? — удивилась я. — Пиа, телефон звонит.

Пиа подцепила из коробки конфету.

— Он постоянно звонит.

Кавалеры тянулись к Пиа так, будто она испускала волны, которые могли уловить только мужчины. Девушка, безусловно, была привлекательна от природы, но я подозревала, что значительная

¹ Давайте не будем распускать руки (*фр.*)

² Неужели? (*фр.*)

часть ее популярности обеспечивалась обтягивающими свитерами.

— Пиа, не могла бы ты сегодня взять несколько из моих дел? — спросила я.

— Рожер говорит, что я не должна вставать с этого стула. — Она выдавила наманикюренным большим пальцем земляничный крем из шоколадной оболочки конфеты. — А еще он хочет видеть тебя прямо сейчас. Но я тут подумала о женщине, которая проспала всю ночь в холле. — Пиа помахала передо мной половиной стодолларовой купюры. — И вон тот толстяк с собачками сказал, что, если примешь его первым, он отдаст тебе вторую половинку.

Пиа кивнула в сторону упитанной пожилой пары, которая сидела возле моего кабинета. Каждый держал по две таксы в серых намордниках. Как и Пиа, я тоже работала по разным направлениям: потребности французских семей, которые здесь, в Нью-Йорке, переживали трудные времена; руководство моим Фондом французских семей; и благотворительность — отправка посылок сиротам за океан. Я совсем недавно ушла из многолетнего бродвейского проекта, последний пункт моих обязанностей в сравнении с ним — сущие пустяки. Кофры разбирать куда сложнее.

Наш шеф, Рожер Фортье, появился в дверях своего кабинета.

— Кэролайн, зайди ко мне. Бонне отменяется.

— Рожер, не может быть. Ты шутишь?

Новость была как удар под дых. Я за несколько месяцев до приема «забронировала» Бонне как нашего основного докладчика.

— Сейчас непросто быть министром иностранных дел Франции, — буркнул через плечо Рожер, возвращаясь в кабинет.

Я зашла к себе и пролиставала «Вилдекс»¹ на моем столе.

Интересно, мамин друг, буддийский монах Аджан Ча, сегодня свободен?

— Кэролайн... — позвал Рожер.

Я схватила «Вилдекс» и поспешила к нему в кабинет, обойдя по пути пару с таксами, которая из всех сил изображала страдальцев.

— Ты почему сегодня опоздала? — спросил Рожер. — Пиа уже два часа на месте.

Генеральный консул Рожер Фортье занимал угловой кабинет с видом на Рокфеллер-плаза и «Променад кафе». Зимой эту утопленную ниже тротуара площадку покрывал знаменитый каток, но летом здесь расставляли столики, между которыми сновали официанты в смокингах и фартуках до колена. За кафе «падал» на землю массивный золотой Прометей Пола Мэншипа с украденным огнем в руке. А уже за Прометеем на семьдесят этажей к синему небу выстреливал Ар-Си-Эй-билдинг. У Рожера было много общего с высеченной над входом в здание фигурой Мудрости в образе мужчины. Нахмуренные брови. Борода. Недовольный взгляд.

— Заскочила к флористу за бутоньеркой для Бонне...

— О, ради этого и пол-Франции может подождать.

Рожер вцепился зубами в пончик, и сахарная пудра посыпалась ему на бороду. Консул, несмотря на то что, как бы это помягче выразиться, был здоровяком, никогда не испытывал недостатка в женском внимании.

На столе Рожера громоздились папки с секретными документами и досье пропавших граждан Фран-

¹ Вращающийся каталог с карточками.

ции. Согласно «Руководству консульства Франции», в обязанности Фортье входили: «Помощь французским гражданам в Нью-Йорке в случае ограбления, серьезной болезни или ареста. Решение вопросов, касающихся метрических свидетельств, усыновления и потери документов. Организация визитов дипломатов и официальных лиц Франции. Содействие при возникновении политических проблем и стихийных бедствий». Благодаря ситуации в Европе работы хватало по всем направлениям, если приравнять Гитлера к стихийному бедствию.

— Вообще-то, меня ждут дела...

Рожер толкнул бумажную папку, и она заскользила по полированному столу для совещаний ко мне.

— У нас не просто нет спикера. Я полночи переписывал речь Бонне. Пришлось обойти тот факт, что Рузвельт не против того, чтобы Франция покупала американские самолеты.

— Французы могут покупать любые самолеты.

— Кэролайн, мы тут заняты сбором денег. Сейчас не время раздражать изоляционистов. Особенно богатых.

— Но они в любом случае не поддерживают Францию.

— Нам не нужна плохая пресса. «Не слишком ли Штаты потакают Франции?» «Не послужит ли это еще большему сближению Германии и России?» Да я третье предложение закончить не успею, как меня перебьет какой-нибудь репортер. И мы не должны упоминать Рокфеллеров... Не хочу выслушивать по телефону Младшего. Хотя теперь, когда у нас нет Бонне, он так и так позвонит.

— Рожер, это катастрофа.

— Возможно, придется все переделать.

Фортье провел длинными пальцами по волосам и оставил свежие борозды в брильянтине.

— Вернуть сорок тысяч долларов? А как же Фонд французских семей? Я и так на последнем издыхании. Плюс мы заплатили по десять долларов за уолдорфский салат...

— Они называют это салатом? — Рожер пролистал свои карточки с контактами, половина записей была неразборчива и перечеркнута крест-накрест. — Как пафосно... Шинкованные яблоки с сельдереем. Да еще сырые грецкие орехи...

Я терзала свой «Вилдекс» на предмет известных персон. Мы с мамой были знакомы с Джулией Марло, знаменитой актрисой, но она уехала в турне по Европе.

— Как насчет Питера Пэтаута? Мамины люди прибегали к его услугам.

— Архитектор?

— Архитектор Всемирной выставки. У них там робот семь футов в высоту.

— Скука. — Рожер похлопал по ладони серебряным канцелярским ножом.

Я пролиставала карточки до буквы «Л».

— А капитан Лихьюд?

— С «Нормандии»? Ты серьезно? Ему платят за то, что он скучный.

— Рожер, ты не можешь отмахиваться от всех предложений. А Пол Родье? Если верить Бетти — все о нем только и говорят.

Рожер поджал губы — хороший знак.

— Актер? Я видел его на сцене. Неплох. Высокий и привлекательный, если тебе такие нравятся. Быстрый метаболизм, не иначе.

— По крайней мере, мы можем быть уверены в том, что он запомнит текст.

— Но он непредсказуем. И женат к тому же, так что не строй планы.

— Мужчины меня уже не интересуют.

В тридцать семь я смирилась с одиночеством.

— Не уверен, что Родье с этим согласится. Ладно, выбор за тобой, но проследи, чтобы твой спикер не отклонялся от текста. Ни Рузвельта...

— Ни Рокфеллеров... — закончила я.

В промежутках между текущими делами я обзвонила возможных в подобной ситуации кандидатов на роль спикера и была вынуждена признать, что кандидат один — Пол Родье. Он был в Нью-Йорке, играл в американском мюзикле «Улицы Парижа» в театре «Бродхерст», где феерически дебютировала Кармен Миранда.

Я позвонила в агентство Уильяма Морриса, там мне ответили, что все разузнают и перезвонят. Спустя десять минут агент месье Родье сообщил, что в этот вечер театр закрыт и, хотя у его клиента нет смокинга, он почтет за честь выступить на нашем гала-приеме и готов обсудить детали в «Уолддорфе». Я тут же помчалась переодеться в мамино черное платье от Шанель, благо наша квартира была на Восточной Пятидесятой улице, в двух шагах от «Уолддорфа».

В гостиницу я вошла, когда двухтонные бронзовые часы, как колокол Вестминстерского собора, отбивали очередные полчаса. Месье Родье я нашла в примыкающем к лобби баре ресторана «Пикокэли». Он сидел за столиком, а гости в великолепных нарядах уже начинали подниматься в Большой банкетный зал.

— Месье Родье? — спросила я.

Рожер был прав относительно его привлекательности. Первое, что бросалось в глаза при встрече

с Полом Родье, — его невероятная улыбка, но это уже после потрясения от его физической красоты.

— Не представляю, как вас отблагодарить за то, что вы так быстро откликнулись на нашу просьбу.

Родье поднялся, и сразу стало понятно, что по телосложению ему больше подходит участие не в бродвейских постановках, а в гребной регате на реке Чарльз. Он собрался поцеловать меня в щеку, но я протянула руку, и он ее пожал. Приятно было познакомиться с мужчиной моего роста.

— Всегда рад помочь.

Проблема была в его костюме: зеленые брюки, темно-лиловый пиджак спортивного кроя и, что хуже всего, черная рубашка. Только священники и фашисты носят черные рубашки. И гангстеры, конечно.

— Вы не хотите переодеться? — Я с трудом сдержалась, чтобы не пригладить его волосы, которые по длине вполне можно было стянуть в хвост резинкой. — Или побриться?

Со слов агента месье Родье я знала, что он проживает в «Уолдорфе», а значит, его бритвенный набор был в нескольких этажах над рестораном.

Пол пожал плечами:

— Я так одеваюсь.

Типичный актер. Это можно было предвидеть.

Поток гостей в направлении банкетного зала нарастал. Женщины в потрясающих платьях, мужчины во фраках и лакированных «оксфордах» или оперных лодочках из телячьей кожи.

— Это мой первый гала-прием, — призналась я. — Единственный вечер, когда консульство собирает пожертвования. В приглашениях указано: «Все мужчины — во фраках».

Налезет на него старый смокинг отца? Длина рубашка подойдет, а вот в плечах точно будет тесноват.

— Мисс Ферридэй, вы всегда такая... напористая?

— Видите ли, здесь, в Нью-Йорке, индивидуальность не слишком приветствуется. — Я вручила ему скрепленные скобками листы. — Уверена, вам не терпится просмотреть текст выступления.

Родье протянул их обратно:

— Нет, благодарю.

Я снова впихнула ему текст:

— Но генеральный консул лично все это написал.

— Повторите, ради чего я в этом участвую?

— Ради вынужденных покинуть свой дом граждан Франции. И ради моего Фонда французских семей. Мы помогаем сиротам, которые потеряли родителей по множеству разных причин. Ситуация во Франции неопределенная, и для них мы — единственный постоянный источник одежды и продовольствия. Плюс ко всему сегодня на приеме будут Рокфеллеры.

Родье полистал речь.

— Я бы на их месте просто подписал чек — и никаких приемов.

— Рокфеллеры — наши самые щедрые благотворители, но, прошу, не упоминайте о них в своей речи. И о президенте Рузвельте. О самолетах, которые США продает Франции, тоже не стоит упоминать. Кое-кто из наших гостей, безусловно, любит Францию, но они предпочли бы пока не касаться вопроса войны. Консул хочет обойти все скользкие темы.

— Публика всегда чувствует, когда ходишь вокруг да около.

— Не могли бы вы просто зачитать речь, месье?

— Мисс Ферридэй, беспокойство может привести к сердечному приступу.

Я вытащила булавку из бутоньерки.

— Вот... для нашего почетного гостя.

— Muguet?¹ — удивился Родье. — Где вы их нашли в это время года?

— В Нью-Йорке можно найти все, что угодно. Наш флорист выращивает их из семян.

Я положила ладонь на лацкан его пиджака и по самую головку воткнула булавку во французский вельвет.

Это он так пахнет или цветы? И почему американские мужчины не пахнут как ландыши? Или как тубероза?

— Вы ведь знаете, что ландыш — ядовитый цветок? — уточнил Родье.

— Тогда не ешьте его. По крайней мере, пока не закончите читать речь. Или если публика вас освистает.

Родье рассмеялся, и мне даже пришлось отступить на шаг. Такой искренний смех — редкость в светском обществе, особенно в ответ на мои шутки.

Я проводила Родье за кулисы и буквально остолбенела — эта сцена была раза в два больше любой из всех бродвейских, на которых мне приходилось выступать. Мы посмотрели в зал. Со сцены открывался вид на море столов с зажженными свечами. Люстра уолдорфского хрусталя и ее шесть сателлитов были притушены, и столы напоминали украшенные огнями корабли в ночи.

— Она просто огромная, — пробормотала я. — Вы справитесь?

Родье повернулся ко мне:

— Мисс Ферридэй, это моя работа.

Я побоялась, что дальнейшее общение осложнит ситуацию, поэтому оставила Родье с текстом речи

¹ Ландыш? (*фр.*)

в кулисах и постаралась не заикливаться на его коричневых замшевых туфлях. Надо было проверить, как Пиа рассадила гостей; схема рассадки была выверена тщательнее, чем любой план полетов люфтваффе. И да — девушка просто разбросала карточки по шести столам Рокфеллеров, так что мне пришлось разложить их в нужном порядке. После я заняла свое место между кухней и столом для почетных гостей. По трем сторонам огромного зала поднимались три яруса лож в красной драпировке, и в каждой — обеденный стол.

Все семнадцать сотен мест должны быть заняты, и, если у нас не получится, многие несчастные останутся без помощи.

Гости начали занимать свои места. Океан белых галстуков, фамильных бриллиантов и такое количество платьев с Фобур-Сент-Оноре, что можно заполнить все лучшие магазины Парижа. Одни только корсеты с легкостью покрыли бы продажи третьего квартала и «У Бердорфа», и «У Гудмана». Метрдотель в ожидании сигнала к подаче замер в стойке у моего локтя. Появилась Эльза Максвелл — сплетница, профессиональная устроительница светских приемов и непревзойденный, что называется *plus ultra*, мастер саморекламы.

«Она просто запомнит ужасы сегодняшнего приема или снизойдет до того, что снимет перчатки и все запишет?» — мелькнула у меня мысль.

На момент появления миссис Корнелиус Вандербильт (или как ее именовал Рожер — «Ее Милость»), со сверкающим бриллиантовым ожерельем в четыре яруса от «Картье», почти все столики были заняты. Едва зад Ее Милости вошел в контакт с подушкой кресла, а ее накидка из песка в комплекте с головой и лапами легла на спинку, я подала сигнал к началу приема. В зале приглушили свет,

и Рожер вразвалку вышел на залитый светом прожекторов подиум. Его встретили аплодисментами. Я волновалась сильнее, чем в те времена, когда сама выходила на сцену.

— Mesdames et Messieurs, министр иностранных дел Бонне шлет свои самые искренние извинения, но он не сможет присутствовать на нашем сегодняшнем приеме.

Публика загудела — никто не знал, как реагировать на это сообщение.

Неужели министр рассчитывает письмом собрать пожертвования? Или по звонку в Вашингтон?

Рожер поднял руку и продолжил:

— Но перед вами выступит другой француз. Он не занимает поста в правительстве, но зато играет лучшие роли в постановках на Бродвее.

Гости начали перешептываться. Нет ничего лучше сюрприза, конечно при условии, что он приятный.

— Итак, встречайте — месье Пол Родье.

Родье не стал выходить на подиум и сразу направился в центр сцены. Что он задумал? Прожектор несколько секунд шарил по сцене в поисках героя, а Рожер тем временем успел занять место за столом для почетных гостей рядом с миссис Вандербильт. Я была неподалеку, но вне зоны удушения.

— Для меня огромное удовольствие быть здесь сегодня вечером, — заявил Родье, когда его наконец нашарил прожектор. — И мне очень жаль, что месье Бонне не смог к нам присоединиться.

Даже без микрофона его голос заполнял весь зал, а сам он буквально сверкал в свете софитов.

— Конечно, я всего лишь жалкая замена такого высокого гостя. Надеюсь, у него не возникло проблем с самолетом. А если так, уверен, что президент Рузвельт с радостью пришлет ему новый.

По залу пробежала рябь нервного смеха. Мне совсем не обязательно было смотреть на журналистов, я не сомневалась, что они уже строчат. Рожер — мастер tête-à-tête — умудрялся беседовать с миссис Вандербильт и одновременно метать в мою сторону уничтожающие взгляды.

— Правда, я не могу говорить с вами о политике, — продолжал Родье.

— Слава богу! — крикнул кто-то с дальнего от сцены столика.

Публика снова рассмеялась, но на этот раз уже громче.

— Но я могу поговорить с вами об Америке, которая не перестает меня удивлять. Это страна людей широких взглядов. Американцы принимают не только французский театр и литературу или кино и моду, но и самих французов, несмотря на все наши недостатки.

— Черт, — выругался репортер, который стоял рядом со мной.

У него сломался карандаш, и я пожертвовала ему свой.

— Каждый день я вижу, как одни люди помогают другим. Американцев вдохновляет миссис Рузвельт, которая протянула через Атлантику руку помощи французским детям. Американка мисс Кэролайн Ферридэй изо дня в день помогает живущим в вашей стране французским семьям и собирает одежду для французских сирот.

Рожер и миссис Вандербильт посмотрели в мою сторону. Проектор нашел меня возле стены, и я на секунду ослепла от знакомого света. Ее Милость захлопала, и все гости последовали ее примеру. Я приветственно махала рукой, пока луч света, к счастью быстро, не переметнулся обратно на сцену, оставив меня в холодной темноте. На самом

деле я не скучала по бродвейской сцене, но ощутить кожей тепло софитов, не скрою, было приятно.

— Эта Америка не боится продавать самолеты людям, которые были рядом с ее солдатами в окопах Первой мировой. Эта Америка без страха помогает удерживать Гитлера подальше от улиц Парижа. Эта Америка, если наступят такие времена, не побоится снова встать с нами плечом к плечу...

Я смотрела на Родье и только пару раз глянула на публику в зале. Гости были увлечены и уж точно не обращали внимания на его туфли. Полчаса пролетели как миг, Родье поклонился, а я задержала дыхание. Аплодисменты зазвучали сначала тихо, но постепенно набрали силу и загрохотали, как ливень по крыше. Эльза Максвелл осушала набежавшие на глаза слезы салфеткой отеля. А к тому моменту, когда публика встала и запела «Марсельезу», я уже была рада, что Бонне не смог присутствовать на этом мероприятии. Даже обслуживающий персонал пел, приложив ладонь к груди.

Зажгли полный свет в зале. Довольный Рожер приветствовал благодетелей, которые хлынули к столу для почетных гостей. Позже, когда прием начал сбавлять обороты, он отбыл в «Рейнбоу рум»¹ в компании наших лучших доноров и нескольких «рокеттс»² (в Нью-Йорке только на этих девиц я могла посмотреть снизу вверх).

На выходе из зала месье Родье тронул меня за плечо:

— Я знаю одно заведение на Гудзоне, там подают превосходное вино.

¹ Ресторан на 65-м этаже Ар-Си-Эй-билдинг, открытый в 1934 г.

² Нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 г.

— Мне надо домой, — ответила я, хотя на приеме не съела ни крошки, и сразу живо представила теплый хлеб с эскарго. — Не сегодня, месье, но спасибо за приглашение.

Еще несколько минут, и я окажусь в своей холодной квартире наедине с остатками уолдорфского салата.

— Вы хотите, чтобы я после нашего триумфа ужинал в одиночестве? — удивился Родье.

А почему бы не согласиться? Люди моего круга посещают определенные рестораны, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, и все в радиусе четырех кварталов от «Уолдорфа», но никак не рядом с Гудзоном. Чем может навредить единственный ужин?

Мы взяли такси до «Ле Грень» — чудесного бистро в Вестсайде. Французские океанские лайнеры поднимались по Гудзону и швартовались у Пятьдесят первой улицы, так что в этом районе, как грибы после дождя, появлялись ресторанчики и кафе, а некоторые из них стали лучшими в Нью-Йорке. «Ле Грень» размещался в мансарде бывшего дома начальника порта. Мы вышли из такси. Над нами высился лайнер «Нормандия» — палуба освещена яркими прожекторами, четыре яруса кают смотрят всеми иллюминаторами. Сварочный аппарат на носу посылал в ночное небо искры абрикосового цвета, а палубные матросы подсвечивали прожекторами борт для работающих на лесах маляров. Я чувствовала себя такой маленькой на фоне «Нормандии» с ее тремя дымовыми трубами, каждая из которых была больше любого пакгауза на пристани.

Морская соль зависла на границе, где встречались воздух Атлантики и пресный воздух Гудзона.

Столики «Ле Грень» были заняты вполне приятной публикой: в большинстве своем представителями среднего класса, включая репортеров с гала-приема, и, по виду, пассажирами океанского лайнера, которые были счастливы наконец-то ступить на земную твердь. Мы выбрали обшитую деревом кабинку, напоминающую каюту, где на счету каждый свободный дюйм. Метрдотель «Ле Грень» месье Бернар был крайне рад встрече с Родье, сообщил, что три раза ходил на «Улицы Парижа», и поделился специфичными подробностями своего опыта выступления в любительском театре Хобокена.

Потом он повернулся ко мне:

— О, мадемуазель, не вас ли я видел на сцене с мисс Хелен Хейс?

— Актриса? — улыбнулся Родье.

На близкой дистанции с такой улыбкой находиться рискованно. Французы — моя ахиллесова пята, и я не стала отшучиваться. Признаюсь, будь Ахиллес французом, я бы выхаживала его, пока у него не срослось сухожилие.

— На мой взгляд, критики были несправедливы... — продолжал месье Бернар.

— Мы закажем... — сказала я.

— Кто-то, кажется, употребил оценку «жестковата»...

— Месье, мы закажем эскарго. Поменьше масла, пожалуйста...

— Как же там, в «Таймс», написали про «Двенадцатую ночь»? «Мисс Ферридэй пострадала от Оливии»? На мой взгляд, резковато...

— ...без чеснока. И не переварите, чтобы не были жестковаты.

— Мадемуазель, вы желаете, чтобы они ползали по вашему столику?

Месье Бернар записал наш заказ в блокнот и удалился в направлении кухни.

Родье не торопясь подробно изучал в меню раздел шампанского.

— Значит, актриса? Никогда бы не подумал.

Было в его небрежном стиле что-то привлекательное, так можно залюбоваться нуждающимся в прополке потаже¹.

— Работа в консульстве мне нравится больше. Мама много лет знакома с Рожером, и, когда он попросил помочь, я просто не могла отказать.

Бернар поставил на наш столик корзину с хлебом и чуть задержался, разглядывая Родье, будто пытался вспомнить, где мог его видеть.

— Надеюсь, я сегодня не помешал вашему свиданию, — сказал Родье.

Мы одновременно потянулись за хлебом, моя рука коснулась его руки, она была мягкая и теплая. Я отдернула свою.

— У меня нет на это времени. Вы знаете Нью-Йорк, приемы и прочее. Все это жутко выматывает.

— Никогда не видел вас «У Сарди».

Родье отломил кусок хлеба, потянулся пар.

— О, я много работаю.

— У меня такое чувство, что вы работаете не ради денег.

— Месье, это внештатная работа, жалованье не предусмотрено. Но, замечу, в приличном обществе не принято задавать такие вопросы.

— Мы можем обойтись без «месье»? Когда вы так ко мне обращаетесь, я чувствую себя стариком.

— Перейти на «ты»? Мы только познакомились.

— Сейчас тридцать девятый.

¹ Декоративный огород.

Келли М. Х.

К 34 Девушки сирени : роман / Марта Холл Келли ; пер. с англ. И. Русаковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17378-1

«Девушки сирени» — книга о любви, стойкости и милосердии. О том, как выжить в нечеловеческих условиях и остаться человеком.

Кэролайн Ферридэй, нью-йоркская светская дива, увлечена новым романом и своей работой во французском консульстве. Она еще не знает, что ей предстоит спасти сирот и жертв концлагерей.

Скоро закончится беззаботная юность польки Каси Кузмерик. Рискуя жизнью, девушка будет выполнять задания подполья.

Герта Оберхойзер мечтает о карьере хирурга, но в нацистской Германии эта профессия недоступна для женщин. Придется найти другое, поистине роковое применение своему таланту и знаниям.

На земном шаре есть точка, где пересекутся эти жизненные пути.

Она называется Равенсбрюк. Это женский концентрационный лагерь.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

МАРТА ХОЛЛ КЕЛЛИ
ДЕВУШКИ СИРЕНИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Валентин Вайс
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валентина Гончар, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.01.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 26,79.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-25905-01-R